

Гетеротопия Петербурга в прозе Олега Постнова*

Эльжбета Тышковска-Каспшак

Факультет нефилологии

Вроцлавский университет, Польша

Faculty of Languages, Literatures and Cultures

University of Wrocław, Poland

E-mail: elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uw.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0001-8297-0630>

<https://ror.org/00yae6e25>

Резюме. В статье рассмотрено изображение Петербурга в произведениях «Судьба Петербурга», «Ночные повести Валерьяна Сомова» и «Petersburg PM» современного русского писателя Олега Постнова. Для интерпретации и характеристики воплощения городского пространства в этих произведениях используется понятие «гетеротопия», введенное в научный оборот Мишелем Фуко. В прозе О. Постнова северная столица предстает как своеобразное воплощение фантастического видения императора Петра I. По мнению писателя, Петербург – это город-памятник, город-музей. Он описывает его как город, оставшийся таким же, каким он был в начале XIX века, застывшим во времени. В связи с этим автор отсылает читателя к литературным образам Петербурга позапрошлого столетия и к романтическому способу художественного изображения города. Раскрывая особый характер Петербурга, современный автор цитирует произведения А. Пушкина, Н. Гоголя и Ф. Достоевского. Постнов подчеркивает двойственность и мистическую, загадочную природу Петербурга. Такой образ города становится отражением «русской души», которую можно считать столь же амбивалентной, сколь и неопределенной.

Ключевые слова: Петербург, петербургский текст, гетеротопия, Олег Постнов.

* В статье используются фрагменты публикации: Tyszkowska-Kasprzak, E., 2012. *Stolica na emeryturze. Petersburg w prozie Olega Postnowa. Topografia tożsamości*. Red. B. Zieliński. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, т. I, s. 19–27.

The Heterotopia of Petersburg in the Prose of Oleg Postnov

Abstract. The article presents the image of Petersburg in the novels *The Fate of Petersburg*, *Valerian Somov's Night Stories*, and *Petersburg PM* by the contemporary Russian writer Oleg Postnov. To interpret and characterize the representation of urban space in these works, the concept of 'heterotopia', introduced by Michel Foucault, is employed. In Postnov's prose, the Northern capital appears as a kind of realization of Peter the Great's phantasmagorical vision. According to the writer, Petersburg is a city-monument, a city-museum. He describes it as a city that remains unchanged since the beginning of the 19th century. Accordingly, Postnov directs the reader toward the literary depictions of Petersburg from the previous century and adopts the romantic mode of depicting the city. In portraying the city's unique character, Postnov cites the works of A. Pushkin, N. Gogol, and F. Dostoevsky. The writer emphasizes the city's duality and its mystical, enigmatic nature. This portrayal of the city reflects the 'Russian soul', which can be seen as both ambivalent and indefinite.

Keywords: St. Petersburg, the Petersburg text, heterotopia, Oleg Postnov.

Peterburgo heterotopija Olego Postnovo prozoje

Santrauka. Straipsnyje analizuojamas Sankt Peterburgo įvaizdis šiuolaikinio rusų rašytojo Olego Postnovo kūrinuose „Peterburgo lemtis“, „Valerijano Somovo naktinės istorijos“ ir „Petersburg PM“. Postnovo prozoje Šiaurinė Rusijos sostinė iškyla kaip savotiška fantastinės Petro I vizijos išraiška. Rašytojo teigimu, Peterburgas – tai miestas-paminklas, miestas-muziejus. Jis vaizduojamas kaip miestas, išlikęs toks pat, koks buvo XIX a. pradžioje, – tarsi sustingęs laike. Todėl autorius remiasi XIX a. literatūriniais Peterburgo vaizdiniais ir naudoja romantizmui būdingas raiškos priemones. Atskleidamas ypatingą miesto prigimtį, Postnovas cituoja Puškino, Gogolio ir Dostojevskio kūrinius. Rašytojas pabrėžia Peterburgo dvilypumą ir jo mistinę, paslaptinę prigimtį. Toks miesto įvaizdis tampa „rusiškos sielos“ atspindžiu – tiek pat ambivalentišku, kiek ir neapibrėžtu.

Reikšminiai žodžiai: Peterburgas, Peterburgo tekstas, heterotopija, Olegas Postnovas.

Санкт-Петербург как один из важнейших центров российской культурной и исторической идентичности занимает особое место в русской литературе. Владимир Топоров отмечает:

Тема Петербурга мало кого оставляет равнодушным. Далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы.

(Топоров, 2003, с. 7)

Петербург не только побуждает к размышлению над этими проблемами, но и притягивает внимание писателей и интеллектуалов, вовлекая их в орбиту своего символического воздействия.

Для интерпретации городского пространства сегодня применяется, наряду с термином и понятием «городской текст», введенным В. Н. Топоровым, термин «гетеротопия», впервые предложенный Мишелем Фуко (Фуко, 2006; Фуко, 1994). В отличие от утопий (фиктивных пространств), гетеротопия – это реальное пространство, которое характеризуется особыми взаимоотношениями между пространством и временем, а также допускает их субъективное понимание. По мнению Фуко, всем культурам свойственно создавать «другие пространства» – гетеротопии. В пространстве гетеротопии становятся возможными социальные практики, телесные проявления и поведенческие модели, маргинализированные или исключенные из нормативной структуры повседневного опыта. Гетеротопические пространства, как правило, характеризуются ритуализацией разрыва с обыденностью, а также трансформацией или искажением принятых социальных норм. Существенным аспектом гетеротопий является их особое отношение ко времени: они способны его накапливать, прерывать или аннулировать, тем самым нарушая линейную хронологическую логику. В рамках данной теоретической перспективы гетеротопия предстает как специфическая форма пространственно-временной организации, подверженной субъективной интерпретации и символическому переосмыслению. (Беззубова, 2010, с. 28).

Цель настоящей работы – проанализировать особенности гетеротопии Петербурга в прозе Олега Постнова¹ в контексте традиции «петербургского текста» русской литературы. Исследование направлено на выявление смысловой и эстетической специфики городской топики в произведениях автора, а также на определение того, каким образом Постнов переосмысливает и трансформирует устоявшиеся мотивы, связанные с мифопоэтикой Петербурга как пространства исторической травмы, культурной памяти и метафизического напряжения.

С момента основания Санкт-Петербург стал символически нагруженным пространством, вызывающим полемику относительно своей роли в российской

1 Олег Постнов родился в 1962 г. Дебютировал в 1990 г. Творческую деятельность совмещает с научной работой: он литературовед, автор исследований *Эстетика И. А. Гончарова, Пушкин и смерть. Опыт семантического анализа, Смерть в России: X–XX вв. Историко-этнографический и социокультурный аспекты*. Автор сборников эссе *В защиту Борхеса, Русский фантастический бестиарий*, а также сборников прозы *Песочное время, Поцелуй Арлекина, Миргород, Антиквар, Девочка на коньках*. Его роман *Страх* в 2001 г. был номинирован на премию им. Аполлона Григорьева, а в 2002 г. – на премию «Национальный бестселлер».

идентичности. В литературе образ города с самого начала приобретает антиномический характер – как место величия и упадка, прогресса и разрушения. В XVIII в. закрепляется аффирмативный образ «града Петра» – символа просветительской модернизации и европеизации империи, воспетого в классицистических одах Михаила Ломоносова, Александра Сумарокова и Гавриила Державина.

Однако в XIX в. образ Петербурга усложняется. У Александра Пушкина город изображается как амбивалентное пространство мистики, рока и личностного кризиса. Кульминацией становится поэма «Медный всадник», в которой Петербург противопоставляется личной судьбе «маленького человека», что открывает новую традицию в русской литературе. Аналогичное внутреннее напряжение наблюдается у Николая Гоголя: Петербург – одновременно центр власти и гротескная метафора дегуманизирующей модерности. У Федора Достоевского образ города трансформируется в откровенно трагический: Петербург становится сценой страдания, отчуждения и духовного мрака, где «маленький человек» был бессилён перед лицом безличной городской среды.

Литературная традиция осмысления Петербурга как символического и трагического пространства получает дальнейшее развитие в творчестве русских символистов. В поэзии Александра Блока и в романе Андрея Белого «Петербург» город предстает как мистический и живой организм, отражающий духовные и исторические потрясения. У Блока он наделен одновременно демоническими и сакральными чертами, у Белого – становится аллегорией космического противостояния порядка и хаоса в условиях революционной нестабильности.

В поэзии XX в. петербургский образ сохраняет символическую насыщенность, приобретая новые смысловые оттенки. У Осипа Мандельштама Петербург – город-катастрофа и память, у Анны Ахматовой – место скорби и личных утрат, у Иосифа Бродского – метафизическое пространство изгнания и невозможной идентификации. Таким образом, «петербургский текст» в русской литературе выступает как устойчивый, но гибкий культурный код, отражающий смену эстетических парадигм и исторических коллизий.

В русской прозе конца XX – начала XXI в. образ Петербурга приобретает ярко выраженное мистико-метафизическое измерение. Город все чаще представлен как призрачное, трансцендентное пространство, противопоставленное остальной России и особенно Москве. В рамках «петербургского текста» он осмысливается не только как физическая сцена действия, но как самостоятельная мифопоэтическая сущность. В произведениях В. Пелевина, Т. Толстой, М. Веллера, М. Кураева и В. Нарбиковой Петербург показан в образах ирреального сна, лабиринта памяти, символического фольклорного пространства или философской топографии. Эти тексты демонстрируют постмодернистскую

переинтерпретацию классических петербургских мотивов, акцентируя лиминальность, мифологизацию и парареальность городской среды. В связи с этим можно утверждать, что образ Петербурга в новой литературе того времени превращается в универсальную метафору границы – между реальностью и воображением, жизнью и сном, личной памятью и культурным мифом.

Таким образом, в русской литературе Петербург предстает как сложный, многослойный образ – метафора исторических, культурных и антропологических конфликтов, как пространство высокой амбивалентности, одновременно являющееся ареной цивилизационного проекта и свидетельством его дестабилизации. Такая диалектика, присутствующая с момента основания города, делает его одним из ключевых полей интерпретации русской литературы, постоянно порождающем новые прочтения и художественные переосмысления.

На основании наблюдений над многогранным образом Северной столицы в русской культуре Дм. Спивак создал концепт «метафизики Петербурга», представляя «петербургский текст» как философско-метафизический феномен русской культуры. Петербург осмысливается не просто как географическое пространство, а как символ пограничного бытия, где пересекаются реальные и ирреальные планы, жизнь и смерть, порядок и хаос. Ключевые аспекты проведенного исследователем анализа таковы: восприятие города как предельной границы между мирами; его фантомная природа и зыбкость реальности; образ города-лабиринта, отражающего внутренний кризис личности; эстетика катастрофы и безумия, проявляющаяся в классической литературной традиции, а также идея Петербурга как искусственного, антинатурального пространства, воплощающего духовное и метафизическое напряжение. Следовательно, Спивак рассматривает Петербург как символ философского *Иного* – места, где человеческое сознание сталкивается с предельными формами бытия и экзистенциальной нестабильности (Спивак, 2007).

Петербург также является центральным героем в произведениях О. Постнова «Судьба Петербурга», «Ночные повести Валерьяна Сомова» и «Petersburg PM». Сам автор не связан ни с одной из российских столиц – он проживает в Новосибирске, что придает его взгляду на город специфический характер аутсайдера, приезжего провинциала. В повествованиях Постнова рассказчик, филолог по профессии, приезжает в Петербург по служебным делам и становится свидетелем ряда необычных, подчас метафизически насыщенных событий.

Авторское изображение города Постнов эксплицитно раскрывает в эссе «Судьба Петербурга». Северная столица предстает в нем как реализация фантасмагории Петра Великого – это город, построенный на болотах вопреки всякой логике, с самого начала противопоставленный не только Москве, но и

всей России. Постнов описывает его как каменного молоха, чьей единственной функцией является управление, осуществляемое через указы и распоряжения. Структура города изначально формировалась в соответствии с потребностями и масштабами XVIII в., однако вскоре заложенные пространственные рамки стали тесны для быстро растущего населения, что, по мнению автора, было одной из причин кризиса и начала конца Петербурга как столицы, особенно в условиях усиливающихся пролетарских революционных движений. Последующие войны полностью истощили город, оставив в нем лишь «тени и памятники», как писал А. Блок.

Такая связь между географическим пространством и структурой политической власти носит многомерный характер и выходит далеко за пределы простого территориального размещения институтов управления. Как отмечается в исследованиях, политические процессы – от выборов и забастовок до коронаций и войн – неразрывно связаны с конкретными пространственными образами, в которых они разворачиваются (Замятин, 2004, с. 245). Особое внимание привлекает интерпретация Петербурга как символического пространства власти. По наблюдению Дм. Замятина, столичный центр оказывается топографически и символически отделенным от остальной части страны: «Столица находится высоко, на верхушке страны, но так высоко, что оттуда не видно остальной страны. [...] Столица находится практически в другом пространстве, не в том, где регионы, города, области и местности» (Замятин, 2003, с. 127). Таким образом, столичный статус Петербурга осмысляется не только как административная функция, но и как проявление пространственного отчуждения, где власть обособляется от непосредственного опыта региональной и повседневной жизни.

В изображении Постнова Петербург на пороге XXI в. – это город, застывший во времени, отмеченный меланхолией и стагнацией:

Его часы стоят, показывая полночь. Его разводные мосты – уловка бизнесменов, тех, что строят – одно за другим – казино. Тот, кто попал за игорный стол вечером, обречен ждать утра, дабы переправиться на другую сторону. А утром таксист-лихач дерет втридорога – всё за то же: чтоб пассажир протиснулся в Петербург. Что можно здесь создать? Что можно, создав, увезти? Кажется, одни лишь мечты. И город богат мечтами.

(Постнов, 2003б)

Итак, Петербург Постнова становится лиминальной пространственной категорией – городом, невозможным для полного покорения, где сосуществуют как трагические исторические события, так и экзистенциальные вопросы о смысле творчества и бренности.

Интересно, что под тем же самым заглавием – «Судьба Петербурга» – в 1918 г. свои размышления опубликовал известный русский политический деятель и публицист Ник. Устрялов. Подобно современным исследователям, Устрялов указывал на амбивалентную природу города, подчеркивая его особую, трудно-уловимую атмосферу и несколько отрешенный характер. Он писал:

Есть в нем какой-то особый, сверхэмпирический лик, яркий при всей его эмпирической туманности, одухотворенный при всей его эмпирической бездушности. Обманчивая, неуловимая как-то, многозначна его внешность, его оболочка. Вероятно, именно потому издавна считался он в России городом призрачным, «миражом», «маревом», где все зыбко и непрочное, не подлинно – и люди, и здания, и мысли, и дела.

(Устрялов, 2000, с. 396)

В то же время Устрялов утверждал, что Петербург является подлинно русским городом, свидетельствующим о величии мысли и возможностях русского народа. По его мнению, именно в этот переломный исторический момент возможно возрождение России через обращение к петербургскому периоду ее истории: «И если суждено опять возродиться России, она прежде всего должна принять правду петербургского периода своей истории, принять его “идею”, его “душу”» (Там же, с. 400).

Постнов во многом переосмысливает взгляды Устрялова, но глядя на бывшую столицу спустя более восьмидесяти лет, он воспринимает ее как город-памятник, город-музей, в котором никакой ремонт не в силах искоренить неуловимый, фантастический дух, которым живут петербуржцы. В своих размышлениях Постнов также обращается к теории О. Шпенглера, противопоставляющей культуру и цивилизацию, заключая, что Петербург является воплощением этой теории: «И Петербург – уже не на словах – сделал то же. Цивилизация, XXI век не могут уместиться в нем, не могут протиснуться... Поэтому и часы его стоят. И как знать, быть может, его судьба совсем особая. Быть может, он, Петербург – попросту духовная столица России» (Постнов, 2003б).

Именно такой образ Петербурга – города, застывшего в памятнике, в литературном мотиве, в риторической фигуре, – изображает Постнов в своих рассказах. Здесь время остановилось:

Стрелки сошлись и замерли на цифре 12, хотя до полудня было еще далеко. Не мог же я в пятый раз смотреть на часы со слившимися вверху стрелками! Я видел уже слишком много – и слишком отчетливо при солнечном свете. XVIII-й век и XX-й, XIX-й и XXI-й – все они слились воедино, все были тут. Только времени больше не было, как в страшном пророчестве Иоанна.

(Постнов, 2003а)

По мнению автора, город остановился в развитии в начале XIX в., поэтому наиболее уместными кажутся ему отсылки к литературным изображениям Петербурга XIX в., а также неоромантическая стилизация, обращенная к творчеству Владимира Одоевского, Василия Жуковского, Александра Бестужева-Марлинского и раннего Гоголя.

В произведениях Постнова элементы «петербургского текста» усиливаются постмодернистскими стратегиями парафразирования и аллюзиями на чужие тексты. Уже сами названия глав говорят о многом: «Страшное пророчество», «Маскарад», «Египетская тьма». В «Ночных повестях Валерияна Сомова» – от имени «старого доброго друга» – автор рассказывает о жизни провинциального филолога, который по воле случая становится свидетелем таинственных событий. Все начинается с дороги в Петербург, предвещающей череду необычных событий в бывшей столице. Цикл «Ночные повести» представляет собой искусную стилизацию с элементами фантасмагории, мистического реализма и готики. Скрываясь за рассказчиком с чужой фамилией, своего рода «Белкиным», писатель создает несколько новелл, образующих гибридный роман со свободной композицией.

Основой каждой мини-фабулы является повседневная мистика постсоветской жизни в Петербурге, приметы нереальности и иллюзорности города, окружающие простого человека в обычных и привычных местах. Во всех рассказах автор использует стилистические реминисценции из литературы XIX в., противопоставляя их современным реалиям. Однако стилистическая архаизация и названия отдельных новелл не исчерпывают аллюзий к русской классической литературе. Постнов обращается к общеизвестным мотивам и сюжетам, приобретающим в его художественном мире новые смыслы.

Поскольку, по мнению автора, историческое развитие бывшей столицы подошло к своему завершению, здесь уже не возможны абсолютно новые события. Поэтому фабулы отдельных рассказов представляют собой лишь современные реплики уже известных сюжетов – таких как карточная игра с трагическим финалом, блуждание главного героя по улицам города или убийство пожилой пары. Используя знакомые мотивы произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского и Льва Толстого, писатель противопоставляет их собственной художественной манере, создавая напряжение между традицией и индивидуальным стилем – интерпретация охватывает время, литературных персонажей, ввод новых элементов и переворот финала.

Все эти приемы не только отсылают к первоисточникам, но и создают новые значения, переосмысляющие характер самого города. Петербург предстает как фантастическое пространство, где может произойти все: здесь герой встречает

Сталина и Петра I, а в гостиничном номере толстовский Левин проигрывает в карты собственную дочь. Смешение мотивов и трансформация сюжетов не меняют восприятия города как пространства, враждебного человеку (Фатеев, 1995, с. 154–157). Например, Толстой – решительный противник городской жизни, сторонник идей Ж.-Ж. Руссо – в образе идеального героя Левина воплотил свои взгляды на необходимость возвращения человека к природе. Постнов же, помещая Левина в городские условия, приговаривает его к моральному падению, в духе воззрений Руссо, согласно которым цивилизация портит человека, прививая ему склонность к излишествах и извращениям души и тела. Однако надо отметить, что этот образ в произведении современного писателя окрашен явно иронически.

В своей литературной интерпретации северной столицы Постнов сознательно обращается к образу Петербурга, сформировавшемуся в поэзии Серебряного века как города, находящегося на грани, подвешенного над бездной. Эту апокалиптически-мистическую перспективу выразил синтетически Белый, написав: «За Петербургом – ничего нет» – за Петербургом простирается пустота, ничто. Город мечты превращается в мираж, неуловимое явление, пространство с нестабильным онтологическим статусом, объединяющее противоречия и исключения. Петербург у Постнова – холодный, туманный, непредсказуемый и нестабильный город, служащий сценой для событий с размытыми границами реальности, где повседневность переплетается с галлюцинацией, явь – с видениями, а логика – с иррациональностью. Уже в одном из первых рассказов цикла «Ночные повести Валерьяна Сомова» писатель последовательно создает атмосферу таинственности, характерную для «петербургского текста»: на первый план выходит метафизическое напряжение, а городское пространство редуцируется до лабиринта, в котором стираются границы между реальностью и иллюзией.

Такой образ города переключается как с символистской традицией представлений о Петербурге, так и с постмодернистской тенденцией к деконструкции цельных, однозначных городских идентичностей:

Ночь обступила меня. На той стороне, у дворца, горели огни, а тут было темно и тихо. Лишь Нева плескала в гранит. Я сам чувствовал то, о чем говорила Грета: страх и гнев. Но это тотчас прошло на воздухе. Я перешел трамвайный рубеж и прислонился к перилам. Мысли мои спутались, приняв новый облик. Тяжкая луна ползла вниз. Нева расстилалась передо мной, и город казался затопленным до краев невиданным наводнением. Одни шпили торчали наружу. Вдруг захотелось мне, чтобы так все и было. Я удивился себе. Откуда это? Откуда эта тяга бездны, и терпкая сладость кладбища, большого могильника, и странное торжество в не-

драх ужаснейших катастроф? Что роднит нас с ними? Сердце мое сильно билось. Мне казалось, еще миг, и я пойму. У подножья веселого дома перед черной Невой все складывалось в странный узор. Скоро стало мне казаться, что я иду по дну океана, что затонувший город этот совсем не тот, но что он тоже знаком мне, и я могу дышать и бродить между зданий...

(Постнов, 1997, с. 75)

В литературной концепции Постнова мотив наводнения служит явной отсылкой к классическому образу, представленному в поэме Пушкина «Медный всадник», где Санкт-Петербург изображается как пространство катастрофы, бездушное и жестокое по отношению к индивиду. Город становится не только сценой трагедии, но и активным источником зла и несчастья – местом, лишенным милосердия, перед которым человек остается беззащитным.

В интерпретации писателя особенно важно стирание границ между реальностью и миражом, что отражает идею противоречий, составляющих сущность этого места. Изображение города как иллюзии – города-обмана – вписывается в давнюю традицию литературного «петербургского текста». Прямое обращение к этой традиции находит отражение в цитате из «Невского проспекта» Гоголя: «Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Весь обман, весь мечта, весь не то, чем кажется!» (Гоголь, 1956, с. 236).

В творчестве Постнова образ кладбища вызывает также ассоциации с размышлениями, содержащимися в стихотворении Пушкина «Когда за городом, задумчив, я брожу...», где поэт сопоставляет атмосферу городского и сельского кладбищ, осуждая нравы и атмосферу столицы. Подобным образом Санкт-Петербург у современного прозаика предстает как пространство отчужденности, разложения и духовного холода.

В «Ночные повести Валерьяна Сомова» Постнов вплетает поэтические интертексты, обращаясь к творчеству Пушкина, Жуковского, Тараса Шевченко и Эдгара Аллана По. Особое значение имеют отсылки к ироничным и автотематическим стихотворениям Пушкина, как, например, «На картинки к "Евгению Онегину"» в «Невском Альманахе»:

*Кокушкин мост!.. Воспеть решаюсь
Я прелесть ножек, спин, задов,
Что тут ходили, терлись, жались,
Но не оставили следов.*

(Постнов, 1997, с. 75)

Это обращение указывает на присутствие сильного иронического слоя в литературных образах Санкт-Петербурга, где город становится не только фоном, но и активным участником повествования, чья идентичность остается всегда текучей и многозначной. В одном из более легких и пародийных текстов Постнов вступает в диалог с ироничной традицией стихотворения Пушкина, посвященного предполагаемой иллюстрации к «Евгению Онегину» по собственному рисунку поэта. Стихотворный комментарий этого рисунка, являющийся примером юмористической самоиронии поэта, изображает Онегина и самого Пушкина в несколько гротескной, сознательно банализированной позе на фоне Петропавловской крепости:

*Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опишись <жопой> о гранит,
Сам Александр Сергееч Пушкин
С мосьё Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодезь, милый мой.*

(Пушкин, 1963, т. 3, с. 147)

В дальнейшем Постнов обращается к другим произведениям Пушкина – поэмам «Полтава», «Евгений Онегин» и стихотворениям, в которых проявляется амбивалентное отношение автора к Санкт-Петербургу как символическому городу, насыщенному противоречиями эпохи и углубленной экзистенциальной рефлексией.

В следующем произведении – «На мотив из Жуковского» – писатель не только отсылает к наследию русского романтизма (в частности, к творчеству Жуковского), но и вводит явную аллюзию к поэтике Э. А. По, особенно к его знаменитой поэме «Ворон». Интертекстуальные связи свидетельствуют о стремлении охарактеризовать петербургский текст на более широком фоне романтической эстетики, охватывающей меланхолию, смерть и нереальность.

Романтизм как художественная формация характеризовался явным разрывом между идеалом и реальностью, что приводило к созданию литературного образа мира, раздвоенного и лишённого гармонии. В романтическом изображении реальности часто присутствуют антиномичные образы – свет и тьма, добро и зло, жизнь и смерть, – которые сосуществуют в напряжении, но без возможности примирения. Поэзия По, к которой обращается Постнов, погружена в сферу идеального (мечты, сна, видения), а не материального, рационализированного порядка.

В этом же духе автор «Ночных повестей Валерьяна Сомова» создает свой романтический настрой тайны, ужаса и сверхъестественного, помещая при этом фигуру «безумного По» в пространство Санкт-Петербурга. Таким образом город становится символической сценой для столкновения европейского и русского вариантов романтизма, а также проекцией психического состояния личности, окруженной историческими трагедиями и экзистенциальными страхами.

*Я сказал: «Мне известно, он умер давно.
Он был найден в беспамятстве, кажется. Но
Это было не здесь. И я помню, что он
Преждевременно был где-то там погребен».*

*«Впрочем, – тотчас осекся со страхом я вдруг, –
Он всегда говорил, будто он в Петербург
Наезжал, – а однако ж он тут не бывал...»*
(Постнов, 1997, с. 90)

В стихотворении По «Ворон» (*The Raven*) граница между шуткой и трагедией, реальностью и символом, разумом и безумием становится едва различимой, при этом сохраняется логическая структура. Эта противоречивость, точность формы и безумие мысли сближают творчество По с концепцией Петербурга (Волчек, 2017, с. 71–73). Для рассказчика произведений Постнова Петербург одновременно прекрасен и чарующ, но вместе с тем враждебен – он угрожает и несет смерть. Двойственная природа города, отмеченная ранее Пушкиным и Гоголем, также касается и реальной городской ткани, где роскошные дворцы и дома на главных улицах резко контрастируют с убогими дворами и закоулками. Писатель четко различает и дифференцирует эти пространства, связывая их с отдельными атмосферными условиями:

Я гулял с приятелем на Невском. [...] Вечерело. Рабочий день шел к концу. Блеснули витрины, зажглись нити ламп. [...] Мы свернули сперва на Литейный, затем перешли трамвайные рельсы, пропустив черный от давки трамвай, и углубились во дворы. Тут все было отдано дождю и ветру. Я раскрыл зонт – и вдруг замер, пораженный тусклой прелестью колорита. Вокруг колодцем стояли дома. И кроме света в окнах, уже включенного по случаю сумерек, ничто не указывало на принадлежность их нашему веку. Даже дрова у стен лежали поленицей, как встарь. Где-то жгли печь, дым шел вниз. Как всякий новичок в Петербурге, я вспомнил Достоевского и Гоголя, их безумие.

(Постнов, 1997, с. 76)

В этом фрагменте писатель изображает Петербург как город, где прошлое и настоящее сосуществуют в напряжении, создавая атмосферу тайны и тревоги. Амбивалентность этого образа – с одной стороны, элегантно-городское пространство, с другой – пространство запущенное – отражает романтическое напряжение между идеалом и реальностью, которое было характерно для творчества таких писателей, как Пушкин, Гоголь и По.

Постнов, как и другие авторы «петербургского текста», также подчеркивает парадоксальность города: его европейскую оболочку и российскую сущность. Он обращает внимание на идеальный проект города и на реальную повседневную жизнь в нем, тяжесть каменной архитектуры и нестабильность болотистых грунтов, на которых он построен. Для писателя Петербург, задумывавшийся как самый европейский город России, стал воплощением русского национального характера, «русской души» – такой же нелогичной и антиномичной, как и сама Северная столица. Город остается магическим местом, ускользающим от рационального восприятия, полным противоречий, остановившимся во времени:

В Петербурге есть кунсткамера. Но и сам Петербург – огромная кунсткамера. Гигантский музей, полный тайных закутков, хранилищ, запасов. Вероятно, в нем есть и время. Вероятно также, что это не обычное время, не то, которое можно измерить с помощью часов. Но сам город удивительно точен – несмотря ни на что. И щепетильно вежлив – на свой, волшебный лад. Он всегда верен себе – этот гордый, отставной Петербург.

(Постнов, 2003а)

Показательно, что в прозе Постнова гетеротопия Петербурга формируется через восприятие города героями-рассказчиками, зачастую представляющими собой филологов-провинциалов. Их эрудиция не ограничивается знанием литературной традиции, но включает более широкое культурное самосознание, что определяет сложный характер взаимодействия с городским пространством. Эти персонажи стремятся приобщиться к Петербургу, постичь его природу, однако сталкиваются с отчуждением и сопротивлением со стороны города. Петербург предстает в тексте как недоступное и отталкивающее пространство, не поддающееся рациональному осмыслению. Эта недостижимость делает невозможным установление четкой границы между реальным и воображаемым, усиливая его статус гетеротопии, пространства неопределенности и смысловой неустойчивости.

Петербург, следовательно, функционирует в художественном мире Постнова как лиминальное пространство, подвешенное между историей и мифом, прошлым и будущим, логикой и хаосом. В качестве гетеротопии в культурных

представлениях России он не является местом однозначным, а выступает как палимпсест смыслов – пространственный текст, постоянно подвергающийся новой интерпретации. Именно эта многослойность делает его устойчивым и вдохновляющим мотивом русской литературы.

Литература

- Беззубова, О.В., 2010. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта. *Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (4-6 октября 2010 г.)*. Москва: Архитектура-С, с. 27–31.
- Волчек, О., 2017. Топология города и повествовательные маски у По, Бодлера, Достоевского. *По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения: Коллективная монография*. Сост., вступ. ст. А. Ураковой, С. Фокина. Москва: Новое литературное обозрение, с. 68–97.
- Гоголь, Н.В., 1956. Невский проспект. *Н.В. Гоголь. Сочинения*. Москва: Художественная литература, с. 221–236.
- Замятин, Д., 2003. Метагеография русских столиц. *Октябрь*, № 4, с. 136–143.
- Замятин, Д., 2004. *Власть пространства и пространство власти*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
- Постнов, О., 1997. Ночные повести Валерьяна Сомова. *Нева*, № 10, с. 69–92.
- Постнов, О., 2003а. *Petersburg PM*. Режим доступа: <http://www.netslova.ru/postnov/petersburg.html> [см. 05 05 2025].
- Постнов, О. 2003б. *Судьба Петербурга*. Режим доступа: https://www.abird.ru/postnov_petersburg.htm [см. 05 05 2025].
- Пушкин, А.С., 1963. На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе». *А. С. Пушкин, Полное собр. соч. в 10 т.* Москва: Наука. Т. 3, с. 147.
- Спивак, Д.Л., 2007. *Метафизика Петербурга. Историко-культурологические очерки*. Режим доступа: <https://readli.net/chitat-online/?b=381573&pg=1> [см. 15 05 2025].
- Топоров, В., 2003. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). *В. Топоров. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Санкт-Петербург: «Искусство–СПБ», с. 7–118.
- Устрялов, Н.В., 2000. Судьба Петербурга. *Москва – Петербург: Pro et contra*. Отв. ред. Д.К. Бурлака. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, с. 396–400.
- Фатеев, С., 1995. Руссоизм в русской литературе XIX века: проблема «человек и город». *Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące*. Red. D. Bieńkowska. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, т. 1, с. 148–157.
- Фуко, М., 1994. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: А-сэд.
- Фуко, М., 2006. Другие пространства. *М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Москва: Праксис, с. 191–200.

References

- Bezzubova, O.V., 2010. Geterotopii gorodskogo prostranstva: k istorii kontsepta. In: *Estetika arkhitektury i dizaina: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (4–6 oktyabrya 2010 g.)*. Moscow: Arkhitektura-S, pp. 27–31.
- Fateev, S., 1995. Russoizm v russkoi literature XIX veka: problema «chelovek i gorod». In: Bieńkowska, D. (ed.) *Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Vol. 1, pp. 148–157.
- Fuko, M., 1994. *Slova i veshchi. Arkheologiya humanitarnykh nauk*. St. Petersburg: A-cad.
- Fuko, M., 2006. Drugie prostranstva. In: Fuko, M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Moscow: Praxis, pp. 191–200.
- Gogol', N.V., 1956. Nevskii prospekt. In.: Gogol', N.V. *Sochineniya*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 221–236.
- Postnov, O., 1997. Nochnye povesti Valer'yana Somova. *Neva*, No. 10, pp. 69–92.
- Postnov, O., 2003a. *Petersburg PM*. Available at: <http://www.netslova.ru/postnov/petersburg.html> [Accessed 5 May 2025].
- Postnov, O. 2003b. *Sud'ba Peterburga*. Available at: https://www.abird.ru/postnov_petersburg.htm [Accessed 5 May 2025].
- Pushkin, A.S., 1963. Na kartinki k “Evgeniyu Oneginu” v “Nevskom Al'manakhe”. In: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow: Nauka. Vol. 3, p. 147.
- Spivak, D.L., 2007. *Metafizika Peterburga. Istoriko-kul'turologicheskie ocherki*. Available at: <https://readli.net/chitat-online/?b=381573&pg=1> [Accessed 15 May 2025].
- Toporov, V., 2003. Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (Vvedenie v temu). In: Toporov, V. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy*. St. Petersburg: «Iskusstvo–SPB», pp. 7–118.
- Ustryalov, N.V., 2000. Sud'ba Peterburga. In: Burlaka, D.K. (ed.). *Moskva – Peterburg: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta, pp. 396–400.
- Volchek, O., 2017. Topologiya goroda i povestvovatel'nye maski u Po, Bodlera, Dostoevskogo. In: *Po, Bodler, Dostoevskii: Blesk i nishcheta natsional'nogo geniya: Kollektivnaya monografiya. I comp.*, introductory article by A. Urakova, S. Fokin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 68–97.
- Zamyatin, D., 2003. Metageografiya russkikh stolits. *Oktyabr'*, No 4, pp. 136–143.
- Zamyatin, D., 2004. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya.